

МАРКИН Валерий Васильевич –

д.соц. н., профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН.

117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

crs@isras.ru

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

FORMATION OF RUSSIAN IDENTITY AS A FACTOR OF COUNTERING THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AND TERRORISM: A REGIONAL ASPECT

На материалах социологического исследования в проблемном регионе (экспертный и массовый опросы в Республике Дагестан, 2013 г.) выявляется связь российской идентичности (идентификации) с отношением к идеологии экстремизма и терроризма. Выделяются факторы, способствующие распространению идей экстремизма и терроризма в проблемном регионе. Показываются ядра и зоны противостояния экстремистской (террористической) и антитеррористической идеологии с привязкой к различным группам (категориям) населения. Выявляются мотивы и механизмы вовлечения в экстремистскую деятельность. Характеризуется конфликтологический фон проявления экстремизма и терроризма, роль бытовой ксенофобии и агрессивных настроений, отношение населения к силовым методам решения личных и социальных вопросов.

Ключевые слова: российская идентичность, проблемный регион, зоны противостояния экстремистской (террористической) и антитеррористической идеологии, силовые методы, социально-экономическое и духовно-идеологическое оздоровление

On materials of sociological research in the troubled region (expert and mass surveys in the Republic of Dagestan, 2013) the connection of Russian identity (identification) with the relation to the ideology of extremism and terrorism is revealed. Factors contributing to the spread of ideas of extremism and terrorism in the troubled region are highlighted. Cores and zones of opposition to the extremist (terrorist) ideology with anti-terrorist ideology bound with different groups (categories) of population are shown. Motives and mechanisms of engaging in extremist activities are revealed. The author characterized the conflict background of manifestation of extremism and terrorism, the role of everyday xenophobia and aggressive moods, attitude towards violent methods of solving personal and social issues.

Keywords: Russian identity, troubled region, zone of confrontation between extremist (terrorist) and anti-terrorist ideologies, power methods, social and economic, spiritual and ideological rehabilitation

Одной из наиболее острых проблем национальной безопасности России выступает проблема противодействия экстремизму и терроризму. В рамках этой проблемы особое значение имеет идеологическая основа этого противодействия, поскольку агенты экстремистской и террористической деятельности строят ее на неких идеях, или, во всяком случае, ими прикрываются. Более того, именно идей-

ные (идеологические) установки служат воспроизводству экстремистских и террористических сил, вовлечению новых групп, формированию резервов и потенциала из числа «сочувствующих».

В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская деятельность (экстремизм) определяется не только как насильственное изменение основ конституци-

онного строя и нарушение целостности Российской Федерации, но и как публичное оправдание терроризма; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, а также имеет ряд других признаков, носящих идеологический характер антигосударственной направленности.

В Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Противодействие экстремизму и терроризму в России, в т.ч. и в их идеологических формах, мы прямо связываем с позитивным началом – формированием идеологии миролюбия, социального согласия и консолидации, признанием исключительно законных, легитимных методов применения силы в поддержании конституционного порядка. Формирование и продвижение этой идеологии происходит в общем мейнстриме российской идентичности как определенного состояния общественного сознания, в котором выражается «заданная национальным образом мира и национальной историей основная идея, которой живет социум в данную историческую эпоху. Идея, приемлемая для его большинства. Она же несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, нации, ее месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах ее существования» [Горшков 2013: 14].

В настоящее время мы не можем представить российскую идентичность в полном и развернутом виде. Скорее пока речь идет о каких-то ее контурах. Вокруг ядра, каким выступает государственно-гражданская идентичность, образуется сложный мозаичный комплекс накладывающихся друг на друга индивидуальных, личностных и социально-групповых идентичностей: этнических,

конфессиональных, территориальных, корпоративных и т.д.

Для согласования этих различных по своей природе идентичностей в едином социальном пространстве России очевидно необходима политика российской идентичности – социальной консолидации всех групп и слоев российского общества, что даст «возможность активно конструировать национальную идентичность для поддержания социального равновесия, изоляции радикализма и экстремизма» [Горшков 2013: 20].

В последние десятилетия совершенно четко выделились территориальные, региональные ареалы экстремизма и терроризма: Северный Кавказ, отдельные регионы Юга и Поволжья, Москва и Московская обл. и др.¹

Внутри этих проблемных регионов воспроизводятся местные (локальные), в большей или меньшей мере связанные между собой очаги экстремизма и терроризма.

В качестве примера для исследования нами был взят один из таких проблемных регионов – Республика Дагестан, а внутри нее – городской округ Хасавюрт и примыкающий к нему Хасавюртовский муниципальный район с общим населением около 300 тыс. жителей.

По данным экспертного и массового опросов были выявлены основные

¹ В июне 2013 г. с учетом наших предыдущих исследований по Республике Дагестан и некоторым другим проблемным регионам (2009–2012 гг.) во взаимодействии с учеными Дагестанского государственного университета (кафедра менеджмента, руководитель профессор А.Г. Гусейнов) был осуществлен опрос 58 экспертов следующих категорий: представители органов власти, общественных и религиозных организаций, СМИ и ученых профильного направления, в т.ч. 23 эксперта из числа представителей республиканского уровня, 35 экспертов из г. Хасавюрта и Хасавюртовского района [Маркин и др. 2013; Маркин, Роговая 2012]. Результаты экспертного исследования сопоставлялись с материалами массового опроса населения г. Хасавюрта и Хасавюртовского района по репрезентативной выборке (опрошено 827 респондентов), проведенного также в июне 2013 г. по анкете, разработанной в Центре гуманитарных технологий РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Первичные материалы экспертного и массового опросов были обработаны в Центре региональной социологии и конфликтологии ИС РАН А.В. Роговой и Э.К. Бийжановой по программе SPSS. Для анализа материалов экспертного и массового опросов использовались геоинформационные технологии, разработанные С.В. Ивановым (ЗАО «Интелгеотех») применительно к отдельным поселениям.

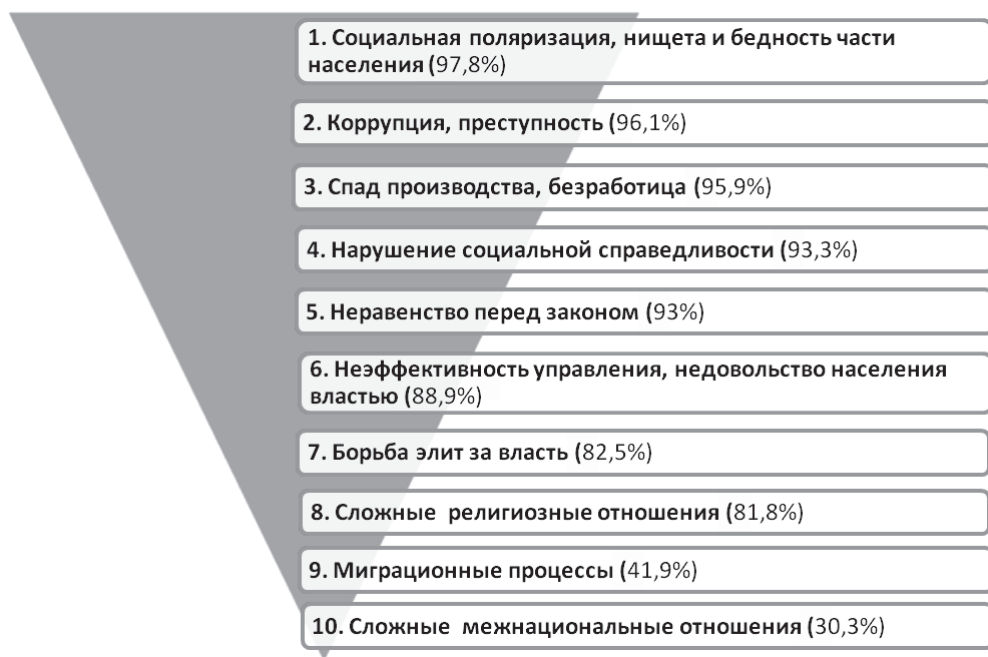

Рисунок 1. Рейтинг влияния отдельных факторов терророгенности в Республике Дагестан (экспертная оценка в %, июнь 2013 г.)

факторы терророгенности и, соответственно, распространения идей экстремизма и терроризма в Республике Дагестан (см. рис. 1).

Как видно из диаграммы, приведенной на рис. 1, по степени существенного влияния при высокой согласованности экспертных оценок на первые места вышли: социальная поляризация и бедность части населения; коррупция и преступность. Далее следуют: спад производства и безработица, нарушение социальной справедливости и неравенство перед законом, неэффективность управления, недовольство населения властью, борьба элит за власть, сложные религиозные отношения.

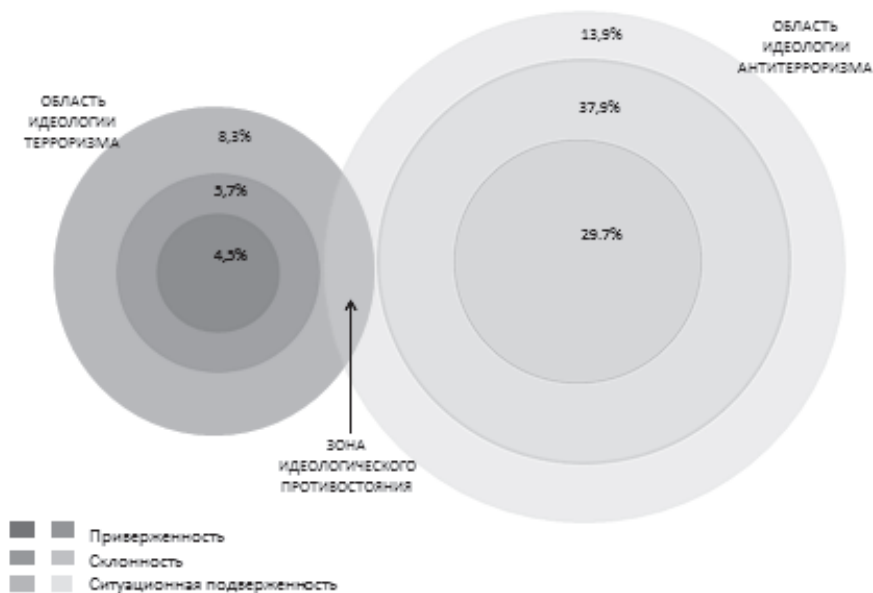
Сравнительно меньшее влияние, по мнению экспертов, имели факторы нерегулируемых миграционных процессов и сложных межнациональных отношений, хотя и их и нельзя сбрасывать со счета.

Группировка позиций экспертов дает основание сделать вывод о том, что ведущим комплексом факторов являются комплекс власти (первые 7 позиций) и комплекс этноконфессиональных отно-

шений с упором именно на религиозные (конфессиональные) отношения.

Эти данные также подтверждаются результатами массового опроса.

В нашем исследовании были выявлены основные зоны противостояния носителей экстремистско-террористических идей и антитеррористической идеологии, связанные также с той или иной идентификацией различных групп населения. На рис. 2 совершенно четко вырисовываются два основных круга этого противостояния: люди, приверженные идеям экстремизма и терроризма (не скрывающие свою принадлежность к националистическим и религиозным организациям, допускающие использование силовых методов; таких по результатам массового опроса оказалось 4,5% общего числа опрошенных), и люди, приверженные антитеррористической идеологии, прямо указывающие на свое категорическое неприятие идей терроризма и настаивающие на ликвидации вышеуказанных организаций — 29,7%. Выделяются и ближние периферийные зоны этих кругов: люди, склонные к экстремистско-террористической

* По данным массового опроса в г. Хасавюрте и Хасавюртовском районе РД, июнь 2013 г., N=827 респондентов

Рисунок 2. Отношение к националистическим и религиозным организациям, допускающим использование силовых методов*

или антитеррористической идеологии («поддерживаю и готов стать членом такой (экстремистской) организации» – 5,7%; «не поддерживаю такие (экстремистские) организации, потому что они создают конфликты» – 37,9%).

Наконец, в зонах противостояния идеологий важно видеть и промежуточные круги ситуационно подверженных данной идеологии или затрудняющихся определить свою позицию (соответственно 8,3 и 13,9%).

При этом абсолютное большинство приверженцев идеологии экстремизма и терроризма, а также большая часть склонных к ней в социальной идентификации не показывают свою принадлежность к российскому обществу, идентифицируясь лишь локально (как житель местности), и параллельно указывают на свою принадлежность к джамаатам и дагестанскому вилайяту Кавказского эмирата (Имарату Кавказа) как части всемирной уммы (халифата). В противоположность им приверженцы антитеррористической идеологии прямо относят себя к россиянам, считая Дагестан

и Северный Кавказ в целом неотъемлемой частью России как общей родины для всех входящих в нее народов.

Обращает на себя внимание весьма пропорциональное распределение носителей той или иной идеологии среди опрошенных мужчин и женщин, но с некоторым преобладанием мужчин в «ядрах» и с большим числом женщин на антитеррористической «периферии».

В то же время среди различных социально-статусных групп (связанных также с возрастным фактором) наблюдаются резкие диспропорции. Особенно это касается учащейся молодежи, чей удельный вес среди приверженцев идей экстремизма и терроризма значительно превышает остальные категории. В «периферийных» кругах к ним также добавляются работающие и безработные.

В антитеррористическом «ядре» большинство составляют пенсионеры. Однако их удельный вес также значителен и в «промежуточной» зоне – среди затруднившихся с определением своей позиции (40%).

Следует также отметить сложный характер российской идентификации жителей Северного Кавказа и, в частности, исследуемого региона, где наблюдается параллельное существование официальных и неофициальных структур — оснований для отдельных идентификаций:

- официальная и неофициальная (неформальная) экономика — 50:50;

- официальная и неофициальная (неформальная) власть: территориальные органы РФ, органы республиканского управления и местные самоуправления / эмират, джамааты, амиры и т.п.;

- официальные и неофициальные общественные (народные) организации, объединения, движения;

- социальная структура: учащиеся, работающие, безработные, пенсионеры, социальные слои, семьи (домохозяйства), этнические группы / «доьзалы», «некьи», «гары», «тейпы», «такхумы», «кьомы» и т.п.;

- поселенческо-расселенческие структуры: селения, поселки, районы, города, республики / джамааты, вилайяты, эмират;

- суфийские (традиционные) и салафитские тарикаты (направления) в исламских общинах;

- официальное (светское государственное) право / адат / шариат и т.д.

В исследовании выявлялись мотивации и механизмы вовлечения людей в террористическую деятельность, принципиальное отношение респондентов к террористам. В спектре ответов значительная часть опрошенных (32,6%) заняла позиции: «совершенно их не понимаю и никак не могу оправдать» и «их надо безжалостно уничтожать». Однако часть респондентов (свыше 6%), среди которых преобладает молодежь, «в чем-то их понимает и оправдывает». Среди всех представленных позиций наиболее значительный удельный вес (более 50%) имеет «жалость» по отношению к террористам, т.к. «они фанатики, безумцы, игрушки в чужих руках». При этом каждый десятый из опрошенных затруднился с ответом.

Весьма интересными оказались ответы респондентов на вопрос о мотивации вовлечения людей в радикальные террористические организации. На первые места были поставлены материаль-

ный интерес (39,8%), отчаяние, безысходность (34,2%), влияние ближайшего окружения (28,4%), желание отомстить (27,3%), несправедливость и произвол властей (22,9%). Также были отмечены такие мотивы, как служение идеалам, религиозные идеи (19,2%), невозможность решить проблемы законным, мирным путем (18,2%), действия силовых структур (18,1%), наркотики (17,6%), желание самоутвердиться (14,9%), шантаж, насилие (13,1%) и др.

Столь многообразная мотивация и возможные комбинации мотивов предполагают и адекватные разнообразные способы их нейтрализации среди различных групп населения, особенно в рядах молодежи и безработных, а также с учетом полового признака.

Среди механизмов вовлечения людей в террористические организации респонденты особо выделили: Интернет (53,8%), религиозных наставников (37,2%), соседей, друзей (31,3%). Также заметно влияние преступных сообществ и наркосреды (19,2%), родственников и случайных людей (16 и 14,3%), печатных агитационных материалов (15,3%).

Региональный аспект изучения проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма предполагает и оценку общей социальной напряженности и уровня конфликтности социальных отношений в территориальных сообществах. На рис. 3 приводятся оценки населением этого уровня. Ответы большинства опрошенных почти равно распределились между вариантами «очень напряженные» (37,3%) и «время от времени возникают проблемы» (41,1%). Лишь 13,6% ответили, что не чувствуют никакого особого напряжения, 8% затруднились ответить.

Это свидетельствует о достаточно высоком уровне социальной напряженности и конфликтности, которая подпитывает почву для воспроизводства экстремизма и терроризма, в т.ч. на основе различных ксенофобий.

В этой связи были получены данные, характеризующие рефлексию респондентов по поводу негативного отношения к приезжим, представителям каких-либо национальностей и религий. Хотя относительное большинство респондентов (38,6%) занимают пози-

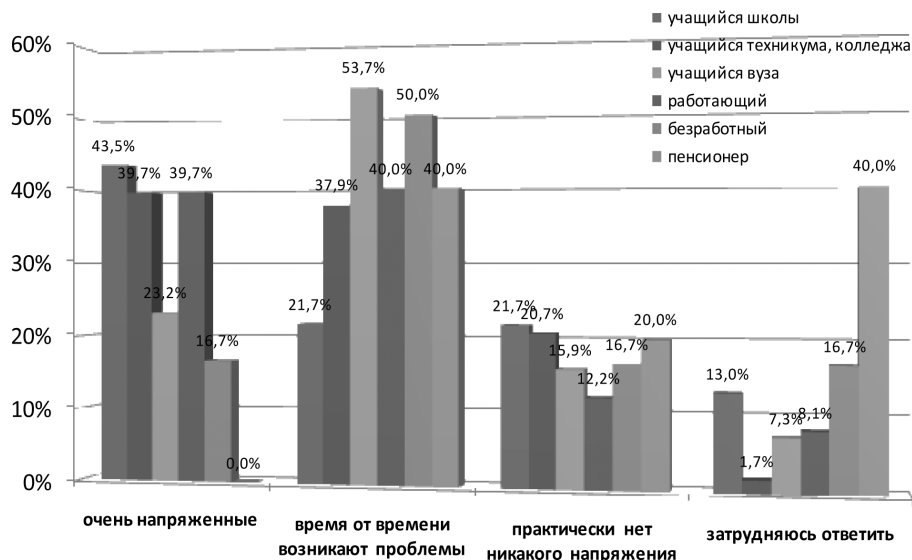

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень конфликтности социальных отношений в регионе, где Вы сейчас проживаете?»

цию «бывает, но встречается редко и не является проблемой», более 15% видят такое негативное отношение в качестве большой проблемы.

Причем эти средние показатели весьма резко варьируют по отдельным категориям опрошенных, в частности среди молодежи. В определенной степени это связано с многонациональным составом хасавюртовской агломерации, где по существу бытовой конфликт может легко перерасти в межнациональный. К тому же дают о себе знать и застарелые обиды чеченцев-аккинцев, депортированных в 1944 г. с территории района, а затем частично в него вернувшихся, а так же вопросы, связанные с переселенными в район аварцами, лакцами и даргинцами, с резким уменьшением удельного веса кумыков и др.

Что касается неприязни, раздражения респондентов в отношении представителей каких-то отдельных групп, среди таких были отмечены: некультурные, невоспитанные люди (41,8%), люди из преступного мира (31%), бомжи, попрошайки, алкоголики (17%), люди иных убеждений, образа жизни (13,6%), представители власти (11,1%), работники правоохранительных органов (9,2%) и т.д.

Лишь треть опрошенных (30,6%) указали, что «не испытывают неприязни ни к кому».

Таким образом, в местном социуме сохраняется довольно значительный потенциал бытовой ксенофобии, который при неблагоприятных обстоятельствах и провокациях может превратиться в агрессию, угрозы и насильственные действия. Политика российской идентификации в этом плане должна быть направлена на нейтрализацию агрессивности, угроз и насилия в социальной психологии носителей таких настроений.

Агрессия и насилие должны осуждаться как проявление слабости, а не силы. В общем мейнстриме российской идентичности важно культивировать такие традиционные положительные качества, как выдержка, взвешенность поступков, твердость и т.д.

Предупреждение агрессивного поведения, применения насильственных (силовых) методов решения личных и социальных вопросов в социально-психологическом плане связано и с мотивацией и оценкой спектра использования таких методов. Так, на вопрос: «В каких ситуациях допустимо применение силовых методов?» — ответы

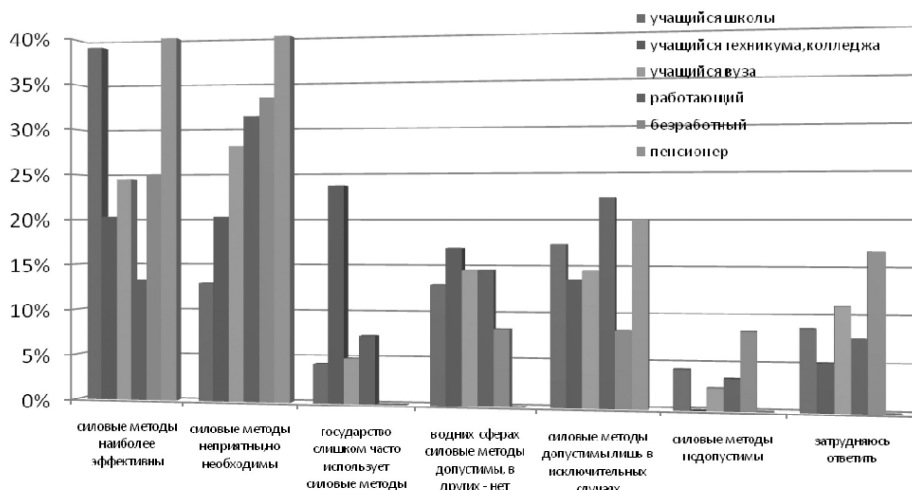

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что во имя обеспечения безопасности общества и решения важных проблем государство применяет силовые методы?»

респондентов распределились следующим образом. На первые места вышли: «защита от террористических угроз» (63%), «защита от угроз личной безопасности» (38,5%), «защита чести и достоинства» (32,6%). Также существенно значение таких оснований, как «политические конфликты» (25,1%), «защита собственности» (23,4%), «межэтнические и межрелигиозные конфликты» (17,2%), «защита слабых» (16%). При этом не наблюдается существенная разница в оценках мужчин и женщин, но она имеется при рассмотрении социальных категорий, где видна более жесткая позиция молодежи («политические конфликты»), пенсионеров («защита чести и достоинства», «угрозы личной безопасности», «защита слабых»).

Эти данные свидетельствуют о том, что в местных социумах проблемного региона силовые методы воспринимаются не только как допустимые, но и как вполне оправданные даже в случаях разрешения политических и этноконфессиональных конфликтов, тем более для защиты личной безопасности, собственности, чести и достоинства.

При этом совершенно очевидно, что применение силовых методов в некоторых их указанных случаях связывается не столько с деятельностью государственных правоохранительных органов, сколько с инициативными действиями

тех, к кому могут быть обращены такие вызовы и угрозы.

Вместе с тем наибольшее внимание обращается на применение силовых методов защиты от террористических угроз и обеспечения безопасности общества, где главная роль отводится именно государству.

На рис. 4 показано отношение различных категорий населения к применению государством силовых методов для обеспечения безопасности общества и решения других важных проблем. Свыше 16% опрошенных считают, что такие методы наиболее эффективны. К ним примыкают 30% указавших, что «силовые методы неприятны, но необходимы». Промежуточные, но в целом также солидарные позиции: «силовые методы допустимы лишь в исключительных случаях» и «в одних сферах силовые методы допустимы, в других — нет» заняли соответственно 20,3 и 14,5% опрошенных.

Негативные позиции по данному вопросу продемонстрировали лишь 3,1% респондентов («силовые методы недопустимы»); 8,1% считают, что «государство слишком часто использует силовые методы», 8% затруднились с ответом на вопрос.

В настоящее время на Северном Кавказе возникла новая ситуация, связанная со сменой руковод-

ства Кавказского эмирата (Имарата Кавказа). После смерти Доку Умарова эмират возглавил его бывший заместитель 45-летний уроженец Дагестана Алиасхаб Кебеков, взявший имя Али Абу-Мухаммад. О нем известно, что он учился в Сирии и имеет богословское образование (близкий родственник убитого богослова Муртазали Магомедова), является проводником крайне радикального направления ислама салафитского толка, был кадием имарата. Имеет свою несколько отличную от Умарова точку зрения на массовые теракты (выступает против жертв среди мирных граждан), шахидство, такфир и др. В целом можно ожидать определенного поворота от идеологии вооруженного джихада национального сепаратизма к идеологии вооруженного джихада с наднациональ-

ными макрорегиональными (халифатскими) установками. Для преодоления кризиса имарата, его фрагментации ведется активная работа в вилайятах и джамаатах, возможна смена некоторых амиров, перегруппировка сил вооруженного подполья и, вне всякого сомнения, усиление идеологического воздействия на различные группы населения.

В общественном мнении применение силовых методов государством воспринимается как вполне допустимое и оправданное. Однако их обоснованное использование необходимо системно сочетать с социально-экономическим и духовно-идеологическим оздоровлением проблемных регионов и их отдельных местных сообществ в общем контексте формирования российской идентичности.

Литература

Горшков М.К. 2013. Модернизационный потенциал идентичности. — *Россия реформирующаяся*. Вып. 12. Ежегодник (отв. ред. М.К. Горшков). М.: Новый Хронограф.

Маркин В.В., Чумиков А.Н., Роговая А.В. 2013. Практика информационной деятельности по нейтрализации распространения идеологии терроризма. — *Вестник национального антитеррористического комитета*, № 2(9). С. 44-53.

Маркин В., Роговая А. 2012. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде. — *Власть*, № 11. С. 142-146; № 12. С. 114-118.
